

УДК: 902/904

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ИНСТРУКЦИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (1927 г.): К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ

© 2018 И.А. Сорокина

Институт археологии Российской академии наук, г.Москва

Статья поступила в редакцию 16.10.2018

Статья посвящена становлению методических норм в области российской и советской полевой археологии. Рассматривается предыстория появления первых советских инструкций по проведению археологических раскопок и разведок в 1927 г. Это направление развивалось в России со второй половины XIX в. Разработка методики изучения археологических памятников разных типов началась несколько раньше, чем появилась система регламентации полевых исследований посредством выдачи лицензий – открытых листов (1889 г.). Тогда были заложены основные принципы последующего развития археологии в СССР и современной Российской Федерации. Первые методические разработки связаны с именами выдающихся российских ученых В.А. Городцова, Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына. Дальнейшая методическая работа была прервана Первой мировой и Гражданской войнами, двукратной сменой власти в феврале и октябре 1917 г. и возобновилась только в 1919 г. То же самое относится и к самим полевым исследованиям, количество которых вновь стало значительным только в 1923 г. В советское время административное руководство полевыми исследованиями (в том числе выдача лицензий) было возложено на Археологический подотдел в системе учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР, а научное – на Академию истории материальной культуры, осуществлявшую экспертные функции. Первые советские инструкции по методике раскопок и разведок были составлены Б.С. Жуковым, сотрудником Археологического отдела; прошли обсуждение в Академии и были приняты как обязательные к исполнению всеми археологами, получающими лицензии.

Ключевые слова: полевая археология, методика полевых исследований, открытый лист, Академия истории материальной культуры, Археологический подотдел, инструкция, регламентация.

Советское государство унаследовало от Российской империи не только богатейшие археологические памятники и коллекции, но и определенные традиции их исследования и управления этим наследием. Имеется в виду уникальная система регламентации полевых изысканий в масштабах огромной страны посредством выдачи разрешительных документов (открытых листов), сложившаяся во второй половине XIX в. и существующая с рядом изменений до настоящего времени. Выдача открытых листов на проведение полевых работ (далее ОЛ) стала обязательной в 1889 г. после императорского указа¹ и была возложена на Императорскую археологическую комиссию (ИАК). Ввести на практике новый порядок оказалось непросто, в первую очередь из-за сопротивления уже многочисленных к тому времени региональных научных обществ, прежде всего Московского археологического общества (МАО). Поэтому возникла необходимость разъяснения порядка выдачи ОЛ, обязанностей и прав получающих их лиц, требований к научной квалификации, а также методов исследования памятников разных типов². Этим ведущие российские специалисты-археологи занимались с 1889 г. по 1914 г.

Сорокина Ирина Анатольевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела теории и методики. E-mail: iasorokina@yandex.ru

Дальнейшая работа была прервана Первой мировой и Гражданской войнами, двукратной сменой власти в феврале и октябре 1917 г. и возобновилась только в 1919 г. К тому времени место ИАК заняли два учреждения: Археологический подотдел в составе Отдела по делам музеев и охраны памятников старины Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) и Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), подчиненная Научному отделу Наркомпроса.

По содержанию выделяются два типа документов, определяющих правовые и научные аспекты регламентации полевых работ, хотя называться они могли по-разному. Первый тип – «положения», главная цель которых – установление правил допуска к полевым работам, определение прав и обязанностей проводящих их лиц. Второй тип – «инструкции». Это практические документы, разъясняющие методы полевых археологических работ и требования к полевой документации, приемы обращения с находками и т.д. «Положения» тоже часто назывались «инструкциями», но до определенного времени не отражали методические вопросы, а выполняли только правоустанавливающую функцию. Чаще же всего происходило смешение этих двух аспектов в одном документе. «Инструкции» появились гораздо раньше «по-

ложений», еще до введения ОЛ, и были ориентированы на то, чтобы хоть как-то перевести неграмотные массовые раскопки древностей в научное русло (по научным представлениям того времени). Расширенный вариант «инструкции» уже представляет собой «пособие» или методическое «руководство».

Документы, появившиеся с 1919 г. по 1926 г., как бы они не назывались и от какой бы организации не исходили, связаны с решением основного вопроса – с определением порядка выдачи ОЛ в новых политических и экономических реалиях, то есть относятся к типу «положений». Только в 1927 г. появляются документы, указывающие на методику исследований, принципы отбора материала для сдачи в музей и правила представления отчетов. Это «Инструкция к «Открытому листу» на право проведения археологических (палеоэтнологических) раскопок» и «Инструкция к «Открытому листу» на право проведения археологических (палеоэтнологических) обследований»³, разработанные Археологическим отделом Главнауки⁴ Наркомпроса, прошедшие апробацию в Академии истории материальной культуры и ставшие обязательными для советских археологов того времени. Цель настоящей статьи – проследить непростой путь разработки этих инструкций, выявить предпосылки их создания и основные особенности по сравнению с более ранними документами, так или иначе относящимися к процессу регламентации полевых исследований в России. Помимо данных из литературы значительное место в работе занимают сведения, почерпнутые автором из архивных источников.

Рассмотрим основные вехи на пути создания методики исследований археологических памятников в Российской империи, так как именно эти традиции и легли в основу советских методических установок. Они связаны с именами трех выдающихся российских ученых: Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына и В.А. Городцова.

В 1874 г. комиссией, избранной в процессе подготовки III археологического съезда, под руководством Д.Я. Самоквасова была разработана «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов». На съезде научное сообщество признало, что могильные древности – первоисточник для изучения прошлого, но существовавшая на тот момент практика раскопок не дает возможности ввести их в научный оборот в полной мере. «Инструкция» была принята съездом единогласно. Однако это не значило, что все лица, желавшие вести археологические раскопки, приняли ее к исполнению. Уровень работ, хотя и несколько повысился к началу Первой мировой войны, по-прежнему оставался невысоким, хотя лучшие представители археологического сообщества

отличались тщательностью полевых исследований и трепетным отношением к коллекциям. Справедливости ради надо сказать, что подобная картина наблюдалась и в среде европейских археологов.

В 1878 г. Д.Я. Самоквасов публикует небольшую книжку – пособие «Условия научного исследования курганов и городищ»⁵. Фактически это тоже инструкция, расширяющая документ 1874 г. Здесь методические вопросы (более по раскопкам курганов, так как исследование городищ не было столь распространено) освещены уже более подробнее.

Вышеуказанные методические разработки Самоквасова не были связаны с деятельностью ИАК, членом-корреспондентом которой он стал только в 1886 г.⁶ Археологические съезды организовывало МАО. Но и в самой ИАК, до начала 1890-х много сделавшей для установления системы регламентации и занимавшейся разработкой ее правовой основы, осознается необходимость методических штудий. В 1894 г. с такой инициативой выступил ее сотрудник А.А. Спицын⁷. Возникла необходимость в руководстве «по части собирания археологических сведений, производства раскопок, приведения коллекций в порядок, составления отчетов о раскопках и, наконец, в руководстве для ученой обработки собранного археологического материала»⁸. Поскольку именно ИАК выдавала открытые листы на археологические изыскания на всех землях, кроме частных, методическое руководство, составленное под ее эгидой, могло стать основным обязательным документом для желающих вести полевые исследования. Результатом явилось издание пособия «Производство археологических раскопок»⁹. Продолжая разработку полевой методики, Спицын публикует позже еще две работы: «Археологические разведки» и «Археологические раскопки»¹⁰. В их основе его же работа 1895 г.

Не прекращает работы над методикой и Д.Я. Самоквасов. В 1908 г. появилось его новое методическое пособие «Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей»¹¹. Интересно, что подчеркивается нравственное значение методической грамотности для лиц, производящих раскопки.

В 1908 г., на XIV Археологическом съезде обсуждался вопрос о методических документах. Инициатором выступило МАО, еще до съезда разославшее нескольким видным археологам письмо с предложением высказаться по поводу необходимой методики раскопок¹². Все они привели доводы в пользу необходимости дополнения действующих на тот момент норм – «Инструкции» 1874 г. и методического руководства А.А. Спицына 1895 г. Была создана комиссия по выработке инструктивного документа в составе

Д.Я. Самоквасова и В.А. Городцова. В новой инструкции следовало учесть предложения, прозвучавшие на съезде. Результаты работы комиссии были представлены на XV Археологическом съезде в 1911 г.¹⁵ В.А. Городцовым. В 1911 и 1914 гг. изданы методические «Руководства», принадлежащие перу самого Городцова¹⁴.

Далее, как говорилось в начале статьи, наступает длительный вынужденный перерыв. После 1874 г. общий, обязательный для всех лиц, занимающихся раскопками и разведками, методический инструктивный документ, одобренный археологической общественностью и утвержденный властью, так и не появился. Издавались обучающие пособия, используемые отнюдь не всегда.

Таков путь, пройденный российским археологическим сообществом к концу 1917 г. в попытках ввести адекватную методику полевых исследований памятников разных типов. К этому времени основными учреждениями в России по вкладу в развитие полевой археологии были ИАК и МАО. Все созданные позже институты так или иначе восприняли их традиции. Что же привнесла советская власть? Прежде всего, во главу угла была поставлена новая государственная идеология – марксизм, резко осуждавшая дореволюционную археологию как «буржуазную». Критике в первую очередь подверглась методика полевых исследований, без учета того, что во время политических катаклизмов они почти прекратились. Если в 1913 г. было выдано 100 ОЛ, то в 1919 г. – всего 10¹⁵. Новый рост начинается только в 1920 г., после окончания Гражданской войны, и становится по-настоящему ощутимым в 1923-м. Не будь такого провала, до новых методических рубежей российские археологи дошли бы постепенно и гораздо раньше, чем это получилось в реальности.

С установлением советской власти для археологической науки открылись новые огромные возможности. Это касается прежде всего расширения базы источников. С отменой частной собственности на землю появилась не только возможность исследовать археологические памятники на любой территории, но и делать это по единому плану, опираясь на единые законодательные и методические установки. Немало способствовало этому сохранение ранее принятой и уже устоявшейся системы регламентации. В советское время происходит переход к раскопкам большими площадями, развивается поселенческая археология, появляются комплексные экспедиции с привлечением специалистов естественных наук. Для управления археологическим наследием уже весной 1918 г. учрежден новый административный орган в структуре Наркомпроса – Археологический подотдел (далее – АПО) при Отделе по делам музеев и ох-

ране памятников старины (далее МУЗО)¹⁶. Его руководителем был назначен В.А. Городцов. Его работа на административном поприще шла с переменным успехом. Он, безусловно, способствовал укреплению позиций археологии как науки и как источника знаний о прошлом, многое сделал для ее популяризации, успешно работал на ниве охраны археологических памятников (в частности, определение археологических заповедных территорий). Имелись и поражения – не все его идеи были хорошо восприняты и властями, и археологическим сообществом.

Подотдел был первой государственной археологической службой в советской России, поэтому В.А. Городцов в написанной им и утвержденной Отделом музеев «Инструкции археологическому п/одотделу» указывает, что в компетенцию его входит ведение «всех вообще дел, относящихся до отечественной археологии»¹⁷. В том числе и разработка методических документов. Но уже в апреле 1919 г. на базе Российской государственной археологической комиссии (бывш. ИАК) правительственным Декретом учреждена Российская академия истории материальной культуры (РАИМК), подчиненная Научному отделу Наркомпроса. Согласно Декрету, РАИМК в пределах РСФСР «ведает <...> научной стороной всех археологических раскопок и разведок». При этом открытые листы выдает АПО как административный орган, но на основании заключений Академии о целесообразности полевых работ, на которые ОЛ испрашивается, а также после научной экспертизы отчета держателя ОЛ за предыдущий год. Таким образом, сразу возникает конфликт интересов, крайне негативно сказавшийся на развитии полевой археологии в первой половине 1920-х годов. Возможно, если бы АПО возглавлял кто-то другой, компромисс удалось бы найти быстро, но сказалось давнее противостояние ИАК и МАО, теперь уже в лице Городцова и сотрудников РАИМК. Сгладить противоречия и перейти к сотрудничеству удалось только в 1926 г. после ухода В.А. Городцова с поста заведующего и реорганизации подотдела.

Выдача открытых листов возобновилась в 1919 году (10 ОЛ), в 1923 г. количество полевых исследований, которые удалось зафиксировать, достигло 67. Имеются в виду не только работы по открытым листам, но и выявленные по разным упоминаниям в обзорной литературе. Значительная их часть проводилась без ОЛ. Это неудивительно, так как законодательство об охране археологического наследия до 1924 г. отсутствовало, возможности губмузеев (региональных филиалов МУЗО) были ограничены малым количеством профессиональных кадров (а то и вовсе их отсутствием), ограниченными (по сравнению с политическими органами) полномочиями. Ус-

ледить было невозможно. В АПО постоянно поступали данные о разрушении памятников археологии не только в результате кладоискательства или хозяйственного использования земли, но и под видом археологических раскопок, проводимых местными любителями старины.

Следует отметить, что после 1917 г. социальная база археологии существенно изменилась и расширилась. Раньше на ниве археологических изысканий подвизались в основном не столь многочисленные люди из дворян, буржуазии, разночинной интеллигенции, имевшие, конечно, разный уровень образования и степень профессионализма в археологии, но по большей части все-таки понимающие, с чем имеют дело. Теперь же хлынула масса людей, понятия не имеющих о науке археологии, но жаждущих приобщиться к истории родного края. Старые пособия были им незнакомы, да и отвергались как «буржуазные». Новые отсутствовали. Большой проблемой стала активность школьных учителей. АПО отслеживал, а МУЗО настоятельно требовал от губмузеев и местных властей пресечения школьных любительских раскопок, ставших, к сожалению, повсеместным явлением.

Но все-таки краеведческое движение в трудные послереволюционные годы сыграло большую роль в деле сохранения археологического наследия. Еще в 1918 г. одной из задач Российской государственной археологической комиссии являлось сотрудничество с краеведами. В 1922 г. было создано Центральное бюро краеведения (ЦБК). При правильной организации дела краеведы могли вести учет археологических памятников, отслеживать разрушения, привлекать внимание местных властей. Настоящих специалистов-археологов катастрофически не хватало (как и много позже), хотя продолжалась их подготовка в Москве, Петрограде, в региональных университетах: в Саратове, Самаре, Иркутске, Перми, Казани. Связано с археологией и палеоэтнологическое направление, развивавшееся на физико-математических факультетах Санкт-Петербургского (с 1887 г.) и Московского (с 1917 г.) университетов. В 1922 г. было принято решение об открытии в Московском и Петроградском университетах археологических отделений.

Несмотря на все эти усилия большую часть раскопок и разведок до конца 1920-х гг. проводили краеведы. Вот как оценивал в январе 1927 г. результаты их работ ученый-консультант МУЗО по линии археологических памятников, прекрасный профессионал Б.С. Жуков¹⁸ в письме сотруднику Академии А.А. Спицину, стоявшему, как мы знаем, у истоков создания российских методических норм: «...Если сейчас выдавать около 60-и листов на раскопки, примерно столько же на разведки <...> при новой постановке¹⁹ (если брать тех же лиц) я бы не выдавал 1/3 «раз-

ведчиков» никаких листов, остальным – листы на обследование (то есть без права заложения шурфов. – И.С.). В результате из взятых (примерно) 120 человек получили бы листы лишь 100 человек, из них только 40 на раскопки. Если теперь принять во внимание, что «разведчики» зачастую производили шурфовку, да еще беспорядочную, то окажется, что целостность памятников должна выиграть»²⁰.

Описанная ситуация вызывала тревогу у специалистов и требовала срочной разработки и внедрения методических основ. Однако до этого было еще весьма далеко. До 1927 г. АПО и Академия были заняты преимущественно утверждением своего статуса и выяснением отношений, для чего понадобилось даже создать в РАИМК согласительную комиссию, которая в 1920 г. представила документ под названием «Правила о производстве раскопок в пределах Российской Федерации». Перед нами опять очередное правоустанавливающее «положение», дающее большие, по сравнению с АПО, преимущества Академии (что естественно, учитывая личности разработчиков – ведущих членов РАИМК)²¹. Разработка методического документа пока только в планах. Городцов все же ратовал хотя бы о переиздании старых пособий – своих или А.А. Спицына (выбор предлагался специалистам общественной организации – Археологической комиссии Научной музейно-библиотечной секции Государственного ученого совета, председателем которой он был в 1924–1925 гг.)²².

В начале 1924 г. противостояние двух учреждений несколько поутихло, так как был принят первый советский закон, регулирующий положение археологического наследия: Декрет ВЦИК и СНК «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» и Инструкция Наркомпроса «Об учете и охране памятников искусства, старины, быта и природы» как подзаконный акт²³. В конце 1925 г. место Ученого совета при АПО заняла Методическая комиссия. В ее задачи, помимо прочих, входила разработка методов археологических раскопок. В.А. Городцов являлся ее председателем до осени 1926 г., то есть до ухода с административного поприща. АПО в прежнем виде перестал существовать, трансформировался в отдел, заведующим которым стал Б.С. Жуков, не отвергавший сотрудничества с РАИМК. С этого времени начинается новый этап.

В 1926 г. РАИМК преобразована в ГАИМК – Государственную академию истории материальной культуры. Взаимоотношения МУЗО и ГАИМК отныне регулируются новым документом под названием «Задачи, функции и программа Музейного отдела Главнауки по линии археологических памятников»²⁴. По должности автором его, скорее всего, был Жуков, подобно тому, как ранее все документы такого рода пи-

сал сам Городцов. Полномочия четко разграничены: выдача открытых листов – прерогатива МУЗО; за ГАИМК признается «исключительное право предварительного научного отзыва по разрешениям на раскопки». Ей отводится уже никем не оспариваемая роль научно-консультативного органа. Выдача ОЛ производится в случае благоприятных отзывов ГАИМК. Если Отдел и ГАИМК не сходятся во мнениях, выдача ОЛ откладывается до согласования. При Отделе работает постоянная Методическая комиссия по археологии, вырабатывающая научно-методологические пути исследований. Эту программу смотрел и комментировал А.А. Спицын, давший в целом благоприятный отзыв, но в поправках он всюду вставил ГАИМК в параграфы, где это было нужно для обозначения ее роли. Наступает период сотрудничества двух учреждений, действительно имевшего место в последующее десятилетие.

В январе 1927 г. Б.С. Жуков с сопроводительным письмом заведующей МУЗО Н.И. Троцкой направил на обсуждение в ГАИМК написанные им проекты «Инструкции к «Открытому листу» на право проведения археологических (палеоэтнологических) раскопок» и «Инструкции к «Открытому листу» на право проведения археологических (палеоэтнологических) обследований». Можно сказать, что эти документы – классический пример смешения административного и методического аспекта полевых исследований. С одной стороны, определен порядок выдачи открытого листа, описаны обязанности его получателя, с другой – разъясняются правила отбора археологического и антропологического материала, требования к содержанию отчета (отражающему методику работы с памятником археологии). Во всех последующих инструкциях (1939 г., 1949 г. и т.д.) это смешение продолжится, причем акцент будет смещаться в сторону описания методики полевых исследований, так как порядок допуска к ним будет уже хорошо усвоен археологическим сообществом.

Хотя проекты написаны признанным специалистом, много раз получавшим ОЛ, заметно некоторое упрощение требований. ОЛ выдается не на конкретный памятник, а на район и «вид памятника» (видимо, определенный тип по современной терминологии). В области методики и отчетности допускается произведение действий «по возможности», причем речь идет не о чем-либо, требующем больших материальных затрат (это было бы объяснимо, учитывая сложную экономическую обстановку того времени), а о вполне обычных полевых процедурах: отбор материала для коллекции, предоставление фотографий и иллюстраций. Причем эти действия касаются только «важнейших и руководящих по типам находок», что совершенно неприемлемо

для погребальных памятников. Предлагается не полное описание, а лишь общая характеристика «стратиграфии и важнейших деталей памятника», типов погребений. Такой подход уменьшает достоверность информации. Еще хуже то, что подобная «свобода» формировала менталитет советских археологов, поэтому и много позже требования унифицировать полевую документацию встречали сопротивление. В той же «Инструкции» устанавливается принцип выдачи ОЛ по приоритетам: в открытии памятника и прав преимущественности в исследовании. Это также вело к нездоровой тенденции – исследователь делается как бы хозяином и распорядителем памятника на основании приоритета, а не профессиональных качеств. Это правило в дальнейшем периодически вызывало конфликты.

Проекты изучил А.А. Спицын, у которого возникло много вопросов, например, по поводу термина «обследование» вместо «разведки». Ответы на них содержит уже цитированное нами адресованное ему личное письмо Жукова. Хотя раскопками и разведками с заложением шурфов (что приравнено к раскопкам) в идеале должен заниматься профессионал, автору приходится учитывать и большую долю краеведов. Для них и предусмотрено «обследование» без шурфовки. При этом Жуков отмечает, что не собирается «выдавать листы на обследования направо и налево и при том лицам типа массового учителя-краеведа. Основными работниками по этой линии мыслятся современные, молодые и «ищущие» лица из музейной молодежи, которые, однако, еще не дозрели до раскопки».

Комиссия по раскопкам ГАИМК обсуждала проекты в марте-апреле 1927 г. и, заслушав сообщение Спицына, постановила: «Академия, приветствуя введение в пределы обследований и разведок, полагает, что при выдаче листов на обследования должно указываться, что допускается лишь внешнее обследование памятников и исследование исключительно внешних очисток, равным образом должно указываться различие между разведкой и раскопкой». При обсуждении инструкции по раскопкам были внесены следующие поправки: 1) признать желательным, чтобы в особо экстренных случаях ОЛ выдавались в сроки сверх указываемого в проекте, но с представлением достаточной для того мотивировки; 2) ввести специальные указания насчет раскопок памятников исторических культур, методы которых не всегда совпадают с методами палеонтологических исследований; 3) предложить музеям по соглашению с исследователями оплачивать изготовление передаваемых им вместе с коллекциями копии чертежей, фотографий и т.п.; 4) дать указание исследователям изымать и увозить в хранилища не только все остатки человеческих костей, но и иные органические остатки (соглас-

но инструкции, изданной Институтом археологической технологии при ГАИМК)²⁵. 14 апреля А.А. Миллер представил на совещании в Главнауке в Москве заключение ГАИМК по инструкциям. Там же было принято решение о хранении отчетов с послойным описанием памятника, полевой описью находок и чертежами, рисунками и фотографиями в Академии.

Итак, в 1927 г. консенсус был достигнут. Над созданием первых советских инструкций к открытым листам МУЗО и ГАИМК работали вместе. Получилась довольно упорядоченная система, хотя пока и несовершенная. Определился порядок действий, от приема заявок до сдачи отчета. Активно заработала Комиссия по раскопкам ГАИМК, обращая пристальное внимание на качество полевых работ и полноту документации. Рассмотренные инструкции явились основой уже советской регламентации полевых исследований при сохранении давно существовавшей основы, заложенной Императорской археологической комиссией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Указ императора Александра III от 11 марта 1889 г.
- ² Первые методические разработки появились задолго до введения ОЛ, в том числе «Инструкция для описания городищ, курганов и пещер и для производства раскопок курганов», принятая в 1874 г. на III археологическом съезде в Киеве. См.: Труды третьего Археологического съезда в России, бывшего в Киеве в Августе 1874 года. Т. I. Киев, 1878. С. LXIX-LXXIII.
- ³ Инструкция к открытым листам на право производства археологических раскопок и обследований // Еженедельник Народного комиссариата просвещения. 1927. №27. Ст.651.
- ⁴ Главное управление научных и научно-художественных учреждений Народного комиссариата просвещения РСФСР.
- ⁵ *Самоквасов Д.Я.* Условия научного исследования курганов и городищ. Варшава, 1878.
- ⁶ Императорская Археологическая Комиссия (1957-1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С.185.

- ⁷ С 1892 г. – член ИАК, с 1918 г. – член РАИМК, потом ГАИМК. См.: Императорская... С.167.
- ⁸ Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры (далее – РО НА ИИМК). Ф.1. Д.161. Л.1.
- ⁹ *Спицын А.А.* Производство археологических раскопок. СПб., 1895.
- ¹⁰ *Спицын А.А.* Археологические разведки. СПб., 1908; *Спицын А.А.* Археологические раскопки. СПб., 1910.
- ¹¹ *Самоквасов Д.Я.* Раскопки древних могил и описание, хранение и издание могильных древностей. М., 1908.
- ¹² Труды XIV Археологического съезда в Чернигове / Ред. П.С. Уварова. Т. III. М., 1911. С.79, 93-111, 136.
- ¹³ Труды XV Археологического съезда в Новгороде / Ред. П.С. Уварова. Т. I. М., 1914. С.65.
- ¹⁴ *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок и обработки добытого раскопками материала. Составлено С.И. Фляхом по лекциям В.А. Городцова в Московском Археологическом институте. М., 1911; *Городцов В.А.* Руководство для археологических раскопок. М., 1914.
- ¹⁵ Сведения из базы данных по полевым исследованиям (1859-2010 гг.) – разработки автора статьи с начала 2000-х гг.
- ¹⁶ *Сорокина И.А.* Археологический подотдел в системе Наркомпроса (1918-1926 годы) // Краткие сообщения Института археологии Российской Академии наук. Вып.245. 2016. С.512-524.
- ¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф.А-2307. Оп.1. Д.4. Л.1-1об.
- ¹⁸ Российский археолог (1882-1934). Один из ведущих представителей палеознания. Профессор Московского университета. С конца 1926 г. сотрудник Археологического отдела Главнауки.
- ¹⁹ Имеются в виду новые методические инструкции, принятые в 1927 г.
- ²⁰ РО НА ИИМК. Ф.2 – 1927. Д.95. Л.18.
- ²¹ РО НА ИИМК. Ф.2 – 1920. Д.57. Л.19-20.
- ²² Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф.54. Ед. хр.1075. Л.13-16.
- ²³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1924. №18. Ст.179; СУ. 1924. №66. Ст.654.
- ²⁴ РО НА ИИМК. Ф.2 – 1927. Д.95. Л.2-6.
- ²⁵ РО НА ИИМК. Ф.2 – 1 927. Д.44. Л. 3,7.

THE FIRST SOVIET INSTRUCTIONS ON CONDUCTING FIELD STUDIES OF ARCHEOLOGY MONUMENTS: ON THE HISTORY OF CREATION (1927)

© 2018 I.A. Sorokina

Institute of Archaeology of Russian Academy of Science, Moscow

The article is devoted to the formation of methodological standards in the field of Russian and Soviet field archeology. The author reviews a prehistory of the appearance of the first Soviet instructions on the conduct of archaeological excavations and explorations in 1927. This trend has developed in Russia since the second half of the 19th century. The development of a methodology for studying archaeological monuments of various types began somewhat earlier than the system of regulation of field research appeared through the issuance of licenses or «open lists» (1889). Then the basic principles of the subsequent development of archeology in the USSR and the modern Russian Federation were

established. The first methodological developments were made by the prominent Russian scientists such as V. Gorodtsov, D. Samokvasov, A. Spitsyn. The further methodological work was interrupted by the First World War and the Civil War, and a double change of power in February and October 1917; it was resumed only in 1919. The same applies to the field research itself, the number of which again became significant only in 1923. In the early years of Soviet state, the administrative management of field research (including the issuance of licenses) was entrusted to the Archeological Unit in the system of institutions of the People's Commissariat of Education of the Russian Federation, and the scientific part to the Academy of the History of Material Culture which performed expert functions. The first Soviet instructions on the methods of excavation and exploration were compiled by B. Zhukov, a member of the Archaeological Department; they were discussed at the Academy and were accepted as binding for all archaeologists who received licenses.

Keywords: field archeology, field research methodology, open list, Academy of the History of Material Culture, Archaeological Unit, instruction, regulation.